

ТАРИФА

АФРИКАНСКИЙ ВЕТЕР

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВ

Юрий Алексеев

Тарифа. Африканский ветер

<https://litres.ru/74609213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тарифа — город, где ветер не стихает, а Африка кажется совсем близкой. Лив приезжает из Амстердама с мужем Алексом и пятнадцатилетним сыном Пепейном, надеясь на безмятежные дни у океана. Но после пляжной вечеринки Пепейн не возвращается в отель. Его телефон найден возле кемпинга, полиция не видит следов борьбы, а люди, ещё вчера улыбавшиеся семье, начинают лгать. Вскоре Лив понимает: исчезновение сына связано не с подростковым бунтом, а с тайной жизнью мужа и войной группировок, контролирующих путь между Испанией и Марокко. Каждый свидетель знает больше, чем говорит; каждый союзник может оказаться предателем. Среди дюн, портов и ослепительного южного света Лив должна выяснить, кем был человек, с которым прожила двадцать лет, и найти сына прежде, чем чужие секреты похоронят их обоих. «Тарифа» — стремительный психологический триллер о семье, доверии, двойной жизни, цене спасения и страхе потерять тех, кого любишь.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юрий Алексеев Тарифа. Африканский ветер

Глава

*«Мы не можем выбрать жизнь, в которой не будет боли.
Но можем выбрать свободу: вырваться из прошлого, что
бы ни выпало на нашу долю, и открыться возможному».*

Эдит Эгер. «Выбор»

Глава 1

Июнь

— Давай, Пепино, вылезай. — Она потянула за босую ступню, свесившуюся с кровати. — В половине одиннадцатого мы должны быть в Схипхоле.

Пуховое одеяло зашевелилось; из недр его слышалось ворчание, но голова сына так и не показалась. Только телефон светился под простынёй.

— Господи, мам, сейчас всего девять.

— Тебе ещё чемодан собирать, милый. Мы скоро уезжаем, — сказала она, надеясь соблазнить его вставанием. — Через час будет такси.

Пепейн резко перевернулся. Светлые волосы торчали во все стороны.

— Значит, времени полно, — произнёс он, наполовину приоткрыв один глаз. — Я сплю.

Лив знала: начини она сейчас настаивать, они поссорятся, а для ссоры она слишком устала.

— Хорошо. Тогда сам следи за временем, ладно?

Он ничего не ответил, лишь снова натянул одеяло. И хотя она считала, что этого делать не следует, всё же достала из шкафа стопку футболок и положила на письменный стол, поверх горы смятых бумаг и книг. При таком хаосе казалось чудом, что последнюю неделю контрольных он закончил с

удовлетворительными оценками.

Приготовив также брюки, свитер и плавки, она вышла. Дверь оставила открытой: так можно было проследить, встанет ли он в самом деле. В своей спальне Лив втиснула в чешмодан коврик для йоги, застегнула молнию и увидела у двери уже собранную сумку Алекса. Заправила постель, задвинула дверь гардеробной и встретила взглядом со своим отражением.

За последние месяцы она похудела; кожа приобрела тусклый оттенок. Татуировка — извилистая фиолетовая орхидея у основания шеи — стала заметнее. Она поправила длинные пряди, обрамлявшие лицо, но уложить их толком не удалось. Черточки возле рта, кажется, углубились.

И всё-таки выглядела она лучше, чем себя чувствовала. Зелёные глаза оставались ясными, а впалые щёки выгодно подчёркивали высокие скулы. Полного изнеможения после первой череды фестивалей, к счастью, по ней сразу не заметишь. Вероятно, её ещё поддерживал тот адреналин, который всякий раз давала работа организатора.

Алекс тоже, похоже, никак не мог остыть после последних мероприятий. Несколько ночей подряд спал беспокойно, часто вставал среди ночи. Она слышала, как он бродит по квартире; порой он даже выходил прогуляться. Начало сезона в этом году далось их компании Escape нелегко. Билеты продавались хорошо, зато группы отказывались от выступлений, номера срывались из-за дождя, а вдобавок случилась

целая серия пищевых отравлений у фудтраков. Эти передраги обоих основательно потрепали.

Из-под стула она достала шлёпанцы и беговые кроссовки и положила их в обувную сумку, поверх сапог Алекса. На подошвах ещё держалась грязь последнего фестиваля, Behind the flowers. Лив на секунду задумалась, не почистить ли их сейчас, но решила, что сегодня после обеда, в Испании, времени для этого будет достаточно.

Когда на прошлой неделе Алекс предложил ненадолго уехать, прежде чем развернётся высокий сезон, она испытала огромное облегчение. Тут же забронировала их обычный отель в Тарифе и попросила в школе специальный отпуск для сына. Из-за сезонной работы родителей Пепейн имел право на десять свободных дней вне школьных каникул. Директор, правда, нередко возражал, и потому было особенно приятно, что на этот раз он сразу согласился. Вероятно, школе хотелось от Пепейна отдохнуть. В последние месяцы с ним становилось всё труднее. Учителя жаловались на дерзость и частые прогулы. Лив даже выяснила, что он курит травку, но пока не завела с ним об этом разговора. Сначала хотелось спокойно обсудить всё с Алексом; на предстоящей неделе у них наконец будет время.

Кстати, где он? Она поставила чемодан возле его сумки и вышла в просторную, похожую на лофт гостиную. Открытая кухня была безупречно прибрана; мраморная столешница блестела. Газеты в зоне отдыха сложены аккуратными стоп-

ками, подушки длинного дивана старательно взбиты. Ясно, Алекс уже успел поработать: бездействие было ему чуждо. Из системы Sonos грохотала его любимая композиция Оливера Хелденса; в воздухе держался запах Chanel Blue. Самого Алекса нигде не было. Она убавила громкость.

— Милый, ты где? Уже совсем готов?

Она ожидала услышать ответ из телевизионной комнаты, но там было тихо. Лишь проходя мимо обеденного стола, заметила его в углу балкона: он курил. Она раздвинула стеклянные двери; холодный порыв ударил в лицо.

— Вот ты где. Тебе не холодно?

— Здесь, на солнышке, чудесно. Иди ко мне.

В джинсах и свитере, но ещё босой, он стоял, прислонившись к перилам. Быстро погасил сигарету, отвёл руку, приглашая её в объятие.

— Вид опять волшебный.

Она подняла ворот свитера и уютно устроилась у него на груди.

— Необыкновенный всё-таки этот утренний свет, скользящий над Эй, правда?

Он кивнул.

— Вода сегодня будто серебряная.

Молча они наблюдали за круизным судном, пытавшимся причалить. Тридцать этажей высоты: плавучий многоквартирный дом, собранный из сотен тысяч кубиков лего. Скоро он опустеет, и пассажиры хлынут на центр города, словно

приливная волна. Escape выигрывала от наплыва туристов, но самой Лив, коренной амстердамке, это было неприятно. Город будто терял свой грубоватый характер. Лишь здесь, в восточной части, ещё узнавалась непринуждённая, чуть нахальная атмосфера прежнего Амстердама.

— Одно несомненно... — Он прижал её теснее; мягкая шерсть свитера скользнула по щеке. — Эта квартира — лучшее наше приобретение за всю жизнь.

Она улыбнулась.

— Соседи снизу, наверное, другого мнения.

— Пусть не ноют. Музыка — моя жизнь.

— Это они уже заметили. — Она ущипнула его за бок. — Но, несомненно, могут наслаждаться ею и сами.

— Послушай, милая. — Он поцеловал её в волосы. — Я тут подумал: когда вернёмся из Тарифы, нужно всерьёз заняться балконом. Ну посмотри: все растения умерли, скамьи покрыты зелёным налётом.

Она смотрела не на запущенную террасу, а на него. Почти двухметровое, слегка нескладное тело всё ещё казалось юношеским. По широкой улыбке и гладкой, загорелой коже тоже нельзя было догадаться, что в следующем году ему исполнится пятьдесят.

— Согласна. Но времени ведь совсем не было. Будто весна продлилась одну неделю.

— Именно. Заодно куплю Weber Summit. Дуко говорит, лучшего газового гриля нет. Если поставить в другом углу,

останется место для длинного обеденного стола, и мы сможем...

— Стой, стой, подожди. — Она подняла руки, останавливая его. — По-моему, эта штука стоит тысячи четыре евро.

Алекс взял её за подбородок и мягко поцеловал в губы. Вкус дыма смешался со вкусом зубной пасты.

— Дорогая Лив, порадуйся хоть немного. Всё будет хорошо. Ты же знаешь?

Она подумала о разваливающемся джипе, который пора менять, и о неоплаченном месте для лодки, но ничего не сказала. Деньги всегда были у них болезненной темой. Себя она не считала чрезмерно бережливой, однако Алекс часто давал ей почувствовать, что в финансовых делах она чересчур осторожна. Сбережения на банковском счёте представлялись ему бессмысленной потерей. Как и его брат Дуко, он предпочитал немедленно тратить их на вещи, которыми ещё можно насладиться «в этой жизни».

— Посмотрим, — ответила она как можно нейтральнее. — Сначала хоть недельку придём в себя.

— Совершенно верно. Кстати, Рикардо, помнишь, консьерж в отеле, только что написал: на вторник он заказал нам два массажа.

Она повела плечами, размяла шею.

— Не могу дождаться. У меня совершенно все мышцы одеревенели, и...

— Какого чёрта вы тут стоите?

В дверях появился Пепейн: босиком, в сползших спортивных штанах.

— Тут же ледник.

— И тебе доброго утра, мой драгоценнейший сын, — ответил Алекс с преувеличенным весельем и послал ему воздушный поцелуй. — Тоже с нетерпением ждёшь этого лучезарного дня?

Пепейн закатил глаза.

— Пап, ну води себя нормально. Мам, не знаешь, где мои эйрподсы?

— Под подушкой? Если засыпаешь с ними...

— То потом теряешь. Да, ты всегда это говоришь. Но их там нет, — почти прорычал сын. — Сам поищу.

— По-моему, прекрасная мысль.

Она хотела добавить, что не мешало бы ему хоть раз попробовать улыбнуться, но Пепейн уже развернулся и пошёл в комнату, понуриив голову. Громко ворчал, будто только что узнал, что отпуск отменяется.

Алекс усмехнулся.

— Когда-нибудь он снова станет славным.

— Ты в пятнадцать был таким же ужасным? — Она растирала руки, пытаясь согреться.

— Ещё хуже. Ты же знаешь: все полицейские в Норде знали меня по имени.

Она подняла на него глаза и снова поймала короткую озорную вспышку. Именно этот взгляд привлёк её при пер-

вой встрече в «Парадизо», почти двадцать лет назад.

— Значит, специалист по личному опыту. Вот и займись им как следует на следующей неделе.

— Думаю, серфинг пойдёт ему на пользу. Физическая нагрузка и меня всегда отвлекала. Я становился спокойнее. — Он посмотрел на телефон. — Ещё полчаса, и такси вниз. Что осталось сделать?

Запирая балконную дверь, они обсудили последние хлопоты. Алекс вызвался собрать мусор и поторопить Пепейна, а она могла ещё полить растения. После прошлогодних рождественских каникул в тайских джунглях Лив увлеклась пальмами. Гид так вдохновенно рассказывал об их способности очищать воздух, что ей захотелось испытать это дома.

Зимой фестивальнй сезон почти замирал, и времени на уход было больше чем достаточно. Успех налицо: в квартире уже образовались маленькие джунгли. Она опрыскала широкие листья, слегка разрыхлила землю. Растения напоминали ей о природной тишине. Когда-то у загородного дома бабушки и дедушки она подолгу гуляла в лесу и охотно возилась в огороде. Теперь её единственной связью с внешним миром была группа веерных пальм в углу у окна.

Когда она вернулась к мойке наполнить лейку, зазвонил телефон. Отец. Лив поколебалась: возьми трубку — и наверняка опять услышишь, что сделала что-нибудь не так. Но всё же ответила, словно по рефлексу.

— Да, папа, как ты? — спросила она, открывая кран.

— Доброе утро, дорогая. Извини, что звоню перед самым отъездом.

Она услышала шелест бумаг. Вероятно, он сидел за широким старинным столом посреди кабинета — единственной комнаты большого дома на канале, в которой ещё бывал днём.

— Я заглянул в устав школы Пепейна. Меня удивило, что к отпуску вне каникул там относятся вовсе не так благосклонно. Может, оставишь его у меня? Тогда у тебя с Алексом действительно будет время друг для друга, и...

— Папа, пожалуйста, всё в порядке. Это даже разрешено законом, что тебе, уж конечно, должно понравиться, — сказала она как можно спокойнее.

Со смерти матери, случившейся более тридцати лет назад, они оставались вдвоём. Их жизни так тесно сплелись, что сердиться на него было трудно.

— Два дня назад ты тревожился, не повредит ли это его оценкам, теперь опять новое. Мы едем в отпуск. И Пепейн едет с нами. Точка.

Отец вздохнул.

— А его теннисная команда? Может он пропустить турнирные выходные?

— Всё улажено, — солгала она.

Объяснять, что его исключили из состава за постоянное отсутствие на тренировках, не хотелось.

— Не тревожься так. Через неделю мы уже вернёмся.

Она услышала звон ложечки в чашке, затем глоток. Наверное, Лотте перед уходом заварила ему чай. Сколько Лив себя помнила, домработница из Йордана приходила каждое утро на три часа. По возрасту Лотте давно пора было бы на покой, но уходить она не желала: пришлось бы бросить её отца.

— Хорошо, решать вам, — наконец произнёс он. — Только знай: я считаю эту затею глупой.

— Да, я заметила, — сухо ответила Лив.

Алекс подошёл с двумя пакетами мусора и выразительно кивнул на кухонные часы.

— Папа, нам пора. Позвоню, когда благополучно доберёмся до Испании.

— Буду очень признателен. Что ж, счастливого пути.

— Спасибо, до скорого.

Она быстро сунула телефон в задний карман и вытащила лейку из мойки.

— Милый, вылью остаток и помогу тебе с чемоданами. Хорошо?

Алекс поставил мусор у входной двери.

— На что верховный судья опять жаловался?

— Главный прокурор, — поправила она, отлично понимая, что он её дразнит. — И намерения у него всегда самые добрые.

— Зато сам часто раздражает, — закончил Алекс.

— Кто раздражает? Опять обо мне?

Пепейн неожиданно появился возле холодильника с чемоданом в руке. Волосы аккуратно уложены гелем, на чистых джинсах ни одной дырки.

— Вы всё ещё не готовы?

Она рассмеялась.

— Откуда вдруг такая спешка? Всё-таки хочется поехать?

— Ха-ха, очень смешно, мам. Путешествовать с двумя пенсионерами — so boring, — протянул он, но оживившиеся глаза выдавали, что отпуску он всё-таки рад.

Без дальнейших обсуждений они закончили сборы. Алекс положил оставшиеся наличные Escape в сейф; проверили все двери и окна. К тому времени, когда водитель вызвал их по домофону, всё было готово.

— Дайте нам пять минут. Спускаемся, — сказал Алекс видеоэкрану.

Лив увидела, как водитель кивнул и пошёл обратно к машине.

— Поможешь? — спросила она Пепейна, подняв рюкзак. — Тогда руки будут свободны для моего чемодана.

Вздохнув, сын принял рюкзак, и тот немедленно опустился к полу с театральным взмахом руки.

— Блин, что тут внутри? Кирпичи?

— Книги. Ты же знаешь, на отдыхе я люблю читать. Ладно, давай сюда.

Она уже хотела забрать рюкзак, когда заметила большую выпуклость в его заднем кармане. По шее прокатилась горя-

чая волна. Неужели он собирается взять с собой свою дурь? Она указала на карман.

— Что это у тебя?

— Твоя сумка. Ты же сама попросила.

— Нет, в брюках. Что там?

— Ничего.

Алекс вопросительно посмотрел на неё; в каждой руке у него было по чемодану.

— Лив, что ещё? Оставь парня, нам пора.

— Нет. Сначала хочу узнать, что у него в кармане.

Она встала прямо перед сыном.

— Достань.

Пепейн, не моргая, смотрел ей в глаза.

— Ни за что.

— Я серьёзно, Пепейн. Сейчас же достань эту штуку.

— Не лезь.

— Эй, не груби, — вдруг раздражённо сказал Алекс; рот его стянулся узкой чертой. Он выпустил чемоданы, и они глухо повалились на пол. — Немедленно слушайся мать.

Она заметила, как муж и сын быстро переглянулись. Затем Пепейн вытащил из кармана носки, свёрнутые клубком.

— Для самолёта. В шлёпанцах у меня всегда мёрзнут ноги.

Они разом расхохотались, явно радуясь такому быстрому разрешению кризиса. Но даже в лифте у Лив сохранялось странное ощущение в животе. Впервые во взгляде сына она

увидела нечто незнакомое. Пока они складывали чемоданы в багажник такси и выбрасывали мусор, она решила: сегодня же вечером поговорит с Алексом. Может быть, он лучше понимает, что происходит с их сыном.

Глава 2

— Это последний? — спросил Пепейн, снимая её чемодан с багажной ленты.

Его худое тело изогнулось под странным углом, чтобы прочитать адресную бирку. Ростом он уже почти сравнялся с отцом, однако собственное тело пока носил словно на вырост: руки и ноги казались на два размера больше нужного.

— Вот, твой.

— Спасибо, милый.

Она взяла чемодан, ожидая очередной колкости, но вместо этого он посмотрел на неё. Взгляд был мягок, и ей вспомнились часы, которые они когда-то проводили за поделками. Оба любили превращать старый картон, забытый пластик, бумажные комки во что-нибудь новое. Эйфелева башня из обувных коробок была вершиной их искусства. Внезапно всё это перестало казаться таким давним. Она сжала его руку.

— Хорошо, что ты помогаешь.

Он сразу опустил глаза и вставил наушники.

— Где папа?

Алекс с остальными чемоданами уже стоял у таможни. Лив поманила сына. Её опять поразили высота и протяжённость помещения. Словно аэропорт Малаги страдал манией величия и никак не желал примириться со своим провинци-

альным положением.

Похоже, Алекс знал служащего. Дружески хлопнул невысокого, пузатого человечка по спине и так громко расхохотался, что окружающие пассажиры обернулись. Заметив Лив, шагнул к ним.

— А вот и вы. Всё получили?

Через автоматические стеклянные двери они прошли в зал прибытия. Лив заморгала: яркое полуденное солнце било прямо в огромный зал. За железным ограждением стояла молодая женщина в розовом летнем платье и держала табличку Familia Smit. Алекс, кажется, её ещё не заметил; Лив толкнула его локтем.

— Ты договорился, чтобы нас встретили?

— Нет, я...

Он повернулся к ограждению и будто вздрогнул, увидев табличку. Между бровями залегла толстая складка. Затем лицо прояснилось, явилась его знаменитая широкая улыбка.

— О, какой приятный сюрприз. Так вот зачем Рикардо спрашивал номер рейса.

С протянутой рукой он направился к девушке. Та отреагировала несколько нервно: захихикала, когда он быстро заговорил по-испански, принялась теребить длинные волосы и подняла солнечные очки на голову. Густо подведённые тёмные глаза оглядели его с головы до ног. Лив знала этот взгляд. Многие женщины так смотрели на её мужа. Иногда столь откровенное кокетство раздражало, теперь же вызва-

ло лишь улыбку. Если даже эта юная особа, которой едва ли больше двадцати, им восхищается, это, в сущности, комплимент.

— Это... Мартина, верно? — спросил Алекс, когда Лив приблизилась.

Девушка кивнула.

— Ола, Мартина. Я Ливия.

Она пожала её руку. Пальцы показались необыкновенно маленькими и хрупкими.

— Как приятно, что вы приехали за нами.

— С удовольствием, — сказала Мартина.

Пепейн улыбнулся девушке, не глядя на неё прямо. Руки не протянул, и Лив с удивлением увидела, как у него покраснела шея. Впервые она заметила, что женщина заставляет её сына смущаться.

— Рикардо действительно её прислал, — продолжил Алекс, сдвигая чемоданы в кружок. — Мартина отвезёт нас в отель на микроавтобусе. Кому-нибудь нужно в туалет? Ехать почти два часа.

— Тогда разумно сходить.

Пробираясь среди людей и чемоданов, Лив направилась к женскому туалету и встала в очередь. Проверила телефон: три сообщения и пропущенный звонок от Рейчел. Вот уже лет пять та была их менеджером по логистике и теперь ощущалась скорее подругой, чем сотрудницей. Несокрушимое добродушие и бесконечная гибкость не раз спасали их

в трудные минуты. Ещё на прошлой неделе, на Behind the flowers, Рейчел вопреки всем ожиданиям уговорила одного из главных участников остаться на полчаса дольше, закрыв дыру в программе.

«Честное слово, беспокою в последний раз... Но не знаешь ли, где контракт Селест? Она ждёт подпись сегодня», — прочитала Лив и засмеялась вслух. Рейчел приложила фотографию отчаявшегося лица: глаза и рот распахнуты, обе руки запущены в тёмные кудри. Лив быстро ответила, что контракт, вероятно, остался на столе Алекса. «Посмотри под высокой стопкой слева», — посоветовала она.

Отец тоже уже пытался дозвониться, но ему она решила ответить позже, из отеля. Он всегда был чрезмерно тревожен, однако с тех пор, как возглавил расследование «Кастор» о «сращивании преступного мира с легальным обществом Нидерландов», тревога приобрела почти навязчивый характер. Теперь опасность мерещилась ему повсюду. Он сомневался даже в безопасности их фестивалей, подозревал некоторые авиакомпании в коррупции. Отчасти она его понимала, но часто это всё же воспринималось как вотум недоверия. Будто взрослая женщина не способна позаботиться о себе и своей семье.

Дождавшись очереди, она быстро проскользнула в кабинку. Когда потом мыла руки, заметила, что очередь уже исчезла. Рядом осталась лишь красивая женщина постарше, в платке, наполнявшая бутылочку водой. Они кивнули друг

другу; Лив стала вытирать руки. Вдруг из соседнего помещения донёлся низкий, возбуждённый голос. Испанский словарь у неё был не особенно богат, но она сразу поняла: мужчина в ярости. Он ругался, кричал, чтобы кто-то поостерёлся, и что он не позволит морочить себе голову.

Женщина испуганно взглянула на Лив через зеркало. Подведённые сурьмой глаза на фоне чёрного платка казались ещё темнее.

— Что происходит? — шепнула она по-нидерландски.

Лив пожала плечами и уже хотела объяснить, что тоже ничего не знает, когда раздался чудовищный удар — словно в мужском туалете кого-то со всей силы швырнули о стену. Под сводами отозвался крик боли. Хлопнула дверь, заскользили по полу башмаки, теперь заговорили сразу несколько голосов.

Женщина юркнула за спину Лив и ухватила за её жакет. Лив машинально расправила плечи и широко расставила ноги, словно этим могла защитить незнакомку, которая была на голову выше неё. Затаила дыхание. На секунду стало тихо; затем из мужского туалета выбежал лысый мужчина. Чёрная рубашка была совершенно разорвана, открывая мускулистый смуглый живот. Он споткнулся, упал на колени и сразу вскочил. Лив увидела кровь на брови.

— Вы в порядке? — крикнула она.

Хотела подойти, но женщина резко дёрнула её назад за жакет.

— Не надо, — шепнула ей в шею.

Только теперь Лив заметила на полу пистолет. Мужчина торопливо поднял оружие и тут же спрятал под рубашку. На миг посмотрел прямо на неё. По щеке текла тонкая струйка крови. Он приподнял бровь; на долю секунды показалось, что он её узнал. Однако, не сказав ни слова, побежал в зал. Люди шарахались; некоторые кричали ему вслед, чтобы был осторожнее, но никто, кажется, не заметил спрятанного пистолета.

Наконец она решилась выдохнуть.

— Ужас какой.

— Нам повезло. Очень, очень повезло.

Женщина отпустила жакет, поправила платок и взяла сумку.

— Спасибо. Берегите себя.

Прежде чем Лив успела спросить, что она имеет в виду, незнакомка тоже исчезла в толпе. Лишь теперь Лив заметила, что задыхается; нагнулась над раковиной, пытаясь перевести дух. Что здесь произошло? Драка? Кто-то ещё ранен? Она открыла кран и стала тереть запястья друг о друга под струёй — проверенный способ успокоиться. Не позвонить ли в полицию?

— Эй, милая, ты ещё здесь. Что так долго? Идёшь?

Она обернулась: в дверях стоял Алекс.

— Ты не видел, что только что случилось?

— Ты о лысеющем мужчине, которого увела Гражданская

гвардия?

— Правда? Его уже арестовали?

— Кто он? Ты его знаешь?

Алекс подошёл.

— Ты в порядке? Щёки совсем красные.

К глазам подступили слёзы.

— Я сейчас так испугалась.

— Милая, ты ведь вся дрожишь. Что произошло?

Он прижал её к себе, гладил по спине, а она рассказала, что увидела несколько минут назад. Подчеркнула: больше всего испугал пистолет на полу.

— Просто страшно. И взгляд такой жуткий — будто насквозь меня видел.

— Что ты говоришь?

Голос Алекса прозвучал тревожно. Он отстранил её на длину рук и пристально посмотрел.

— Он тебя видел?

— Да, мы на мгновение встретились глазами. Странно было. Будто он знал, кто я.

Алекс нахмурился.

— Сомнительно. Ты бываешь здесь самое большее раз в год.

— Верно. И я почти уверена, что раньше его никогда не видела. Но всё равно — очень странное ощущение.

— Понимаю. Наверное, ничего особенного, — уже спокойнее произнёс Алекс. — Скорее всего, ты ему просто по-

правилась, вот и устался. И правильно. Я тоже каждый день люблюсь тобой.

Она почувствовала, что успокаивается.

— Думаешь, нужно рассказать полиции?

— С ума сошла? Они ведь уже его взяли. Я бы дальше не вмешивался.

Он обнял её за плечи.

— Пойдём. Наш любимый сын, думаю, уже растаял от вождения к этой Мартине.

Смеясь над несуществующим романом сына, они вернулись к чемоданам. Лив успела заметить, как женщина из туалета поспешно села в такси с затемнёнными стёклами.

— Кстати, как думаешь, многие нидерландцы марокканского происхождения прилетают сюда, чтобы потом через Тарифу попасть в Танжер? — спросила она и нарочито бурно помахала Пепейну, который весь съёжился от стыда.

— Наверное. Всё-таки гораздо быстрее, чем ехать на машине через всю Европу, как они часто делали раньше.

— Знаешь, там, в туалете, было довольно странно. Одна женщина из Нидерландов...

Но Алексу позвонили, и он немедленно ответил.

— Эй, Дуко, дружище, рад тебя слышать.

Он свернул в угол, чтобы спокойно поговорить.

Лив подошла к Пепейну. Тот изо всех сил старался не смотреть на Мартину и скучаяще прислонился к багажной тележке.

— Папа опять в телефоне?

— Ты же знаешь, разговоры — половина его работы. Он ничего не может с этим поделать.

— Для меня такое оправдание почему-то никогда не действует. А у меня телефон — вообще вся жизнь.

Она улыбнулась.

— Да уж, ужасная жизнь подростка.

Мартина никак не могла взгромоздить чемодан на тележку; Лив пришла на помощь. Пепейн тоже помог её загрузить. Наблюдая со стороны за его неловким телом, Лив решила не рассказывать, что только что увидела. Как бы ни считал он себя взрослым мужчиной, для некоторых вещей, по её мнению, он был ещё слишком мал.

Тем временем она расспросила Мартину о ветре. Знала, что Алексу будет приятно выслушать об этом небольшой отчёт.

— Сейчас слабоват, — ответила Мартина по-английски, с очаровательным испанским акцентом. — Но после обеда сильно прибавит.

— Вы тоже выйдете на воду?

Мартина посмотрела так, будто её спросили, намерена ли она сегодня ночью спать. Для настоящих жителей Тарифы серфинг был жизненной необходимостью.

— Конечно, на сколько удастся. А вы?

Лив покачала головой.

— Я больше по части йоги.

— А я катаюсь с кайтом, — гордо произнёс Пепейн и сразу выпрямился. — Только новый лиш нужен.

Мартина подошла ближе и стала объяснять, в каком именно магазине можно купить лучший страховочный шнур. Лив предположила, что Пепейн едва слышит её слова: столь заворожённо следил он за движениями её рук.

— Все готовы к великому путешествию? — спросил вернувшийся Алекс.

Не дожидаясь ответа, взялся за тележку и посмотрел на Мартину.

— Машина на Р2, — сказала девушка, указывая на знаки паркинга.

Привычным, несколько замедленным испанским шагом они направились к выходу.

— Какие-то проблемы? — спросила Лив, оказавшись рядом с Алексом.

— Нет, почему? Дуко просто хотел пожелать хорошего отдыха. Там всё под контролем. Не беспокойся.

Он мимоходом поцеловал её в щёку.

— Отпуск же. Расслабься, милая.

«Это довольно трудно», — хотела сказать она, но тогда пришлось бы объяснить, что её тревожат неоплаченные счета. Сейчас не хотелось; ей искренне хотелось насладиться этой неделей. И хотя Дуко работал не слишком тщательно, несколько дней он действительно мог справиться один. К тому же оставалась Рейчел.

— Постараюсь, — сказала она.

Нейтральный ответ представлялся ей не столько капитуляцией, сколько разумным способом сохранить хорошую атмосферу. Это давалось ей автоматически — в отличие от ссор, в которых она всегда чувствовала себя ужасно неловко.

Снаружи пахло густой мимозой. Она на секунду остановилась, давая глазам привыкнуть к солнцу. С первого приезда, лет десять назад, в этой части Испании она чувствовала себя дома. Хорошая погода, конечно, радовала, но главное было в людях, над которыми витала приятная тень меланхолии. Не столь сумрачные, как португальцы, они были так же пропитаны многовековой историей славных побед и проигранных сражений. На этом южнейшем краю Европы они всегда оставались игрушкой истории. Поэтому и смотрели на жизнь с некоторой отстранённостью, понимая, что личные решения значат не так уж много.

— Мам, ну идём! — крикнул Пепейн, прежде чем исчезнуть вслед за отцом в гараже.

Она ускорила шаг и догнала его.

— Кстати, куда делись твои носки? — спросила, постучав по заднему карману.

— Выбросил, конечно. Мы же всегда их выбрасываем после одного раза?

Она быстро взяла его под руку.

— Ха-ха, очень смешно — так издеваться над матерью.

Пришлось ещё ускориться, чтобы не отстать, но до джипа

они шли под руку, и редкое чувство близости согревало её. Она надеялась, что предстоящая неделя подарит ещё такие минуты.

Глава 3

Лив положила биографию Мишель Обамы на столик и вытянула ноги за край балкона. Вот так можно просидеть всю неделю, глядя на тропический сад с его разнообразными пальмами. Финиковую, бутию и юбею она уже отыскала. Шелест ветра в крепких листьях успокаивал. Сквозь них процеживалось резкое солнце, и сад наполнялся мягким сиянием. У бассейна несколько постояльцев читали; на газоне шло занятие йогой. Сегодня она его пропустила: сначала хотелось просто сладко ничего не делать.

Они приезжали сюда много лет, а старая андалусская асьенда всё ещё доставляла ей острое удовольствие. Шаткие ротанговые кресла, растрескавшиеся керамические плитки пола, мавританские арки, широкие веранды, старинные деревянные шкафы — всё соответствовало друг другу. Роскоши никакой, даже некоторая потёртость, но именно это ей и нравилось. Она любила места несовершенные, сквозь которые видимо сочилась память. Отпила свежего сока: апельсины здесь были дивно сладки. Только собралась снова взять книгу, как в комнате зазвонил телефон. Неохотно поднялась; опять отец. Теперь игнорировать его было уже нельзя.

— Привет, папа. Мы только что благополучно добрались,
— сказала она, возвращаясь на балкон.

Стоя можно было увидеть широкий пляж.

— Здесь прекрасно. Не слишком жарко, солнце и, разумеется, крепкий бриз. Мои мужчины уже в волнах.

— Звучит хорошо, дорогая, — мягко ответил он; на заднем плане слышались звуки его кабинета. — Ты тоже пойдёшь в воду?

— Как ты думаешь?

Она всматривалась в море, надеясь разглядеть ярко-синие кайты мужа и сына, но среди десятков парусов различить их было невозможно.

— По-моему, тебе куда лучше с книжкой в гамаке.

— Именно, папа. Ты знаешь меня как никто. Лучше лениться, чем уставать. Правда, надеюсь, вечером мы всё-таки где-нибудь потанцуем. Фламенко, например.

Отец кашлянул. Танец по-прежнему оставался между ними болезненной темой.

— Это в городе? Будь тогда осторожна.

— Папа!

Прозвучало раздражённое, чем ей хотелось.

— Здесь совершенно мирная обстановка. Не беспокойся ты так.

— Нет-нет, ты права. Я преувеличиваю. Но если что-нибудь случится — что-то странное, какой-нибудь подозрительный мужчина...

— Да, я сообщу.

Она вспомнила происшествие в аэропорту, но знала: рассказывать ему нельзя. Он немедленно станет выяснять у

местной полиции, как идёт расследование.

— Это меня успокаивает. Хорошей недели, дорогая. Обещаю больше вас не тревожить.

Она тихо рассмеялась.

— Всё хорошо, папа. Будем время от времени присылать фотографии.

— Пепейн уже прислал очень красивую. Он с доской парил над прибоем, наверное, на целый метр. Думаю, снимал Алекс.

— Наверняка. Они постоянно снимают друг друга. Для видеоблога Пепейна.

— Для его чего?

— Неважно, папа. Как-нибудь объясню. Увидимся через неделю.

— До свидания, дорогая.

Она закончила разговор, взяла стакан и книгу и вернулась в комнату. Было почти пять; ужасно хотелось выпить джин-тоника на пляже. Сняла платье и выбрала свободный бирюзовый кафтан. В нём её похудение не так бросалось в глаза, а благодаря яркому цвету Алекс легче узнает её с моря.

Его чемодан стоял неразобранный. На секунду она задумалась, не разобрать ли самой, но знала: ему это не понравится. «Я вполне способен позаботиться о себе», — скажет он. И будет совершенно прав: по дому он тоже делал немало. Однако ранняя смерть матери так приучила Лив устраивать всё за всех, что от этого автоматизма было трудно избавиться.

ся.

Заперев дверь, она опустила ключ в плетёную сумку. Такой старомодный ключ вместо карточки был характерен для отеля. Лёгкая ржавчина тоже вполне подходила. Когда-то ей казалось странным, что она замечает подобные мелочи; зато в академии фотографии это умение доставило немало радости.

Она пошла по полуоткрытой галерее. Высоко в деревьях кричали два попугая. Розовая бугенвиллея у белой стены уже почти вся распустилась; пахло соседней конюшней. Сразу по приезде Лив заказала у Рикардо прогулку на завтра, ранним утром. Промчаться галопом по ещё пустому пляжу на андалусской кобыле — это всегда было лучшим событием отпуска.

Пышный сад укрывался за выступающей скалой и был почти полностью защищён от ветра. За прошедшие годы она поняла, какое это в Тарифе благословение. Положение у узкого Гибралтарского пролива создавало для городка собственный климат. Сегодня дул Поньенте: прохладный, ровный западный ветер, двадцать узлов, самый мягкий вариант. Он лишь слегка бросал волосы на лицо.

Но в разгар лета, когда с востока начинал порывисто дуть тёплый Леванте, приходилось беспрестанно искать укрытия между деревьев. Долго оставаться на открытом пляже было нельзя: тебя словно обрабатывали пескоструйной машиной. Зато именно в эти месяцы Алекс обычно ещё несколько

раз приезжал в Тарифу один. Чтобы как следует «вдарить» — так он называл кайтинг при ветре, порой превышавшем пятьдесят узлов.

Она помахала Томми, который уже много лет выдавал полотенца у бассейна, и по деревянному настилу дошла до лестницы на пляж. Ветер подхватил кафтан; сумку пришлось крепко держать, чтобы не вырвало из рук. Мартина была права: к вечеру ветер усилился.

Лив прикрыла глаза козырьком ладоней и посмотрела вдоль длинного, белоснежного Плайя-де-лос-Лансес. Где её мужчины, определить было невозможно; она решила наудачу идти к Waves Beach Bar. Там они обычно выпивали под конец дня на воде.

Со шлёпанцами в руке она прошла по узкой дюнной полосе природного парка Эстречо, окружающего город. В выметенном ветром воздухе отчётливо виднелись горы Риф на марокканском берегу. Завтра надо взять фотоаппарат: при таком свете получатся прекрасные снимки. Она остановилась послушать тишину.

Ни автомобильного шума, ни гула самолётов и поездов — только хлопки кайтов на стремительном ветру. Окружающий простор и покой ощущались настоящим отпуском.

Уже издали было видно, как серферы сходятся к маленькому деревянному бару. В выцветших креслах-мешках лежали жилистые, загорелые тела; у ограды рядами сохли твин-типы, двунаправленные доски, каждая со своей яркой

раскраской. На маленьком деревянном помосте уже танцевали. Подойдя ближе, Лив услышала дип-хаус из больших колонок на террасе.

Двое малышей промчались мимо в дюны, и она улыбнулась. Во время каникул Пепейн тоже рос здесь: среди спокойных серферов, за игрой с испанскими друзьями, которых не мог понять по словам, но понимал прекрасно. Ещё прежде, чем она успела выяснить, вышли ли Алекс и Пепейн из воды, навстречу уже шла хозяйка бара Паула, широко раскинув руки.

— А, сеньора Ливия, como estás? — крикнула она.

— Дорогая Паула.

Они коротко обнялись. По острому запаху Лив поняла, что Паула уже успела выкурить косяк.

— Хорошо тебя видеть. Так приятно снова быть здесь.

— Понимаю, моя дорогая.

Длинные тёмно-коричневые кудри Паулы, кажется, стали ещё непокорнее, тонкое тело — ещё суше и спортивнее; в остальном она почти не изменилась. Медленно подняла длинные ресницы.

— Мы тоже страшно по вам соскучились. Ты ведь своя. Bienvenido, darling, vamos.

Под руку, обсуждая прошедшую зиму и новую школу кайтинга неподалёку, они вернулись к всё более людному бару. Лишь ступив на террасу, Лив заметила Алекса среди танцующих. Гибкое тело покачивалось под мягкий бит Recloose.

Глаза закрыты, светлые волосы буйно двигались вокруг головы. Шорты низко сидели на узких бёдрах; серая футболка обтягивала мускулистые руки. Встречное солнце делало зрелище особенно привлекательным. Однако танцевал он не один. Мартина, утренняя водительница, в красном бикини стояла к нему чуточку ближе, чем следовало. Он что-то шепнул ей на ухо; она со смехом запрокинула голову, и он, взяв её за руки, закружил.

Лив сглотнула. Ей не хотелось быть кислой, ревнивой женой, но смотреть было трудно. Не то чтобы имелись основания для страха. Разумом она твёрдо знала: Алекс никогда не позволит такому флирту зайти дальше. Но когда действительность подсовывают прямо под нос, чувствам не так просто справиться.

«Нужно иногда разрешать друг другу славный флирт», — говорил Алекс. В теории идея казалась правильной, особенно после стольких совместных лет. Сейчас же она чувствовала: лучше всё-таки не присутствовать при её осуществлении.

— Твой обычный джин-тоник? Без льда? — прервала её мысли Паула.

— С удовольствием. Я с тобой к стойке.

Она отвернулась от танцплощадки, поздоровалась с несколькими смутно знакомыми людьми, расположившимися вместе на широком балийском лежаке.

— Может, ещё вкусных тапас?

Паула нырнула за узкую деревянную стойку.

— Конечно, милая. Осталась тортилья и свежий кальмар на гриле. Подойдёт?

— Прекрасно звучит.

Лив уселась на высокий стул и стала следить за ловкими руками Паулы. Не прошло минуты, как перед ней появился коктейль со свежим апельсином. Она сразу сделала два больших глотка.

— Вот этого мне и хотелось.

Пока Паула готовила закуски, Лив, главным образом чтобы отвлечься, завела разговор с испанцем на соседнем стуле. Тот немедленно рассказал о своей великой страсти к кайтингу: много лет уже не может без него жить, а сегодня специально взял отгул, чтобы приехать сюда.

— Ветер был превосходный. Удивительно сильно бил в парус, — сказал он, покручивая пиво в стакане. — Руки до сих пор дрожат.

— Да, наверное, довольно неудобно, — рассеянно ответила Лив.

В другое время его восторг мог бы оказаться заразительным; сейчас удержать внимание на разговоре было трудно. В животе поселилась тревога. Из-за Алекса с Мартиной, на которых она нарочно старалась не смотреть, но также и потому, что Пепейна она пока не видела. Хотелось верить, что при таком сильном бризе он не парит где-то один над водой.

Она уже собиралась спросить Паулу, не видела ли та его, когда заметила сына у края террасы, полускрытого разве-

шенными гидрокостюмами. Перед ним стоял ровесник Лив: тёмные волосы придавали ему испанский облик, ростом он был с Пепейна. Они оживлённо разговаривали, активно двигая головами, но с такого расстояния нельзя было определить, дружелюбен ли разговор.

— Кто этот человек возле Пепейна? — Лив показала Пауле на двоих. — Я его знаю?

Паула наклонилась вперёд, чтобы разглядеть.

— А, Эрон. Хороший парень. Рыбак, всю жизнь живёт в городе. Но, *Dios mío*, как вырос твой сын! Теперь, в самом деле, большой мужчина.

— Ну, главным образом так думает он сам.

Она хотела объяснить, что он всё ещё умеет вести себя как невыносимый подросток, но увидела, как Эрон передал ему что-то. Что это? Пепейн немедленно сунул предмет в карман и перестал смотреть на Эрона. Пакетик травки?

— Эй, милая, не знал, что ты здесь. Уже соскучился.

Алекс внезапно оказался позади, поднял её со стула и поцеловал в губы. Они были солёные.

— Идём танцевать.

Она на миг поколебалась, но краем глаза увидела, что Эрон уже исчез, а Пепейн идёт к Мартине, и позволила мужу увлечь себя на площадку. Наверное, этот обмен ей померещился, решила она. Алекс взял её за бёдра; всем телом она отозвалась на нарастающую музыку. Мышцы расслаблялись, тело сливалось с возбуждающим ритмом, ожидало дропа —

мощного вступления основного бита. Всё вместе и составляло радость танца.

Алекс улыбнулся и беззвучно, одними губами сказал: «Я люблю тебя». Она послала воздушный поцелуй, высвободилась, повернулась кругом и целиком отдалась заразительному, всё более громкому биту. Не замечая этого, уже быстрее переставляла ноги; закрыла глаза. Казалось, она становится легче, чуть парит над полом и медленно растворяется во времени. Алекс снова притянул её, и их тела в совершенном согласии последовали за «Lonely For You» Армина ван Бюрена. Только с наступлением сумерек она поняла, что они танцевали не меньше часа.

Глава 4

Лив лежала, прижавшись к плечу Алекса, и чувствовала всё более сладкую истому. Джин-тоники, танцы и ветер превратили её в мягкую тряпичную куклу; она ещё теснее свернулась возле него. Наконец. После стольких напряжённых недель тело так нуждалось в этом предельном расслаблении.

Алекс поцеловал её в лоб.

— Наш мужчина времени не теряет.

Она засмеялась. Чистая правда. Пепейн уже давно танцевал с Мартиной; бёдра у него оказались на удивление подвижны. Тайком выпитое пиво наверняка помогло преодолеть последний остаток подростковой робости. Несмотря на несовершенство их английского, весь вечер они прекрасно веселились. На минутку устроились рядом с родителями в подушках, съели несколько тапас и тут же вернулись танцевать. Мартину нисколько, кажется, не смущало, что раньше в этот вечер она кокетливо танцевала с его отцом. Алекс тоже больше на неё не смотрел. Лив поняла: опять тревожилась напрасно.

— Он действительно превосходно танцует, — сказал Алекс.

Протянутой рукой он пытался привлечь внимание Паулы, но та была поглощена жарким спором с мужчиной, мертвецки пьяным и повисшим у стойки.

— Никогда не знал, что он унаследовал твой талант.

Лив вытянула ноги. Пальцы были в песке; она потёрла ступни друг о друга, очищая их. Кожу покалывало, вероятно, от алкоголя.

— Я тоже. Он всегда стеснялся танцевать.

— Именно. Ещё чего-нибудь выпьешь?

Он уже встал, не дожидаясь ответа.

— То же самое?

Она покачала головой. Слегка кружилась голова; чуть-чуть тошнило.

— Нет, лучше не надо. Принеси воды.

Он кивнул и пошёл к стойке, где дружеским хлопком по плечу отодвинул пьяного. Лив снова посмотрела на сына. Пунцовые щёки; каждое движение Мартины он внимательно повторял. Ростом он пошёл не в неё, но строение тела было сходным: гибкие, жилистые конечности, узкие бёдра и плечи. Идеальное тело для балета. Именно так когда-то сказала о ней приёмная комиссия академии.

Лив теребила рукав кафтана. Память об этом мгновении оставалась столь же резкой, как двадцать семь лет назад. На просмотр она пошла тайком: отец запретил. Несмотря на волнение, танцевала прекрасно, и уже через два дня ей позвонили — принята. Ей предсказывали блестящую балетную карьеру. Но ей было семнадцать, требовалось согласие отца. Он отказал со слезами на глазах и, не произнеся больше ни слова, вышел из кухни. Они никогда не возвращались к это-

му разговору. В конце концов она научилась понимать его решение, но с утратой мечты, возможно, так и не смирилась.

Куда, собственно, подевался Алекс? Пить хотелось уже мучительно. У стойки его не было. Она обвела глазами тускло освещённое, полуоткрытое помещение, но мужа нигде не увидела. Зато заметила рыбака, разговаривавшего с Пепейном. Он один курил возле бамбуковой ограды. Непринуждённо опирался на столб, рассеянно запускал руку в тёмные кудри. Когда вспыхнул кончик сигареты, стало видно: он тоже смотрит на неё.

Пойманная на наблюдении, она отвела взгляд и как можно беспечнее посмотрела в телефон. Кроме сообщения Рейчел — контракт найден, но после возвращения нужно вместе разобрать стопку на столе — там, к счастью, было тихо. Уже почти десять. И вдруг она ощутила, до чего устала. С ней всегда так бывало, когда она выпивала. Сейчас больше всего хотелось уютно читать в постели, однако Алекс уже шёл к ней с двумя стаканами. В левом углу рта висела сигарета.

— Держи, милая, — сказал он, плюхнувшись рядом. — Пришлось поискать, но Паула всё-таки нашла одну.

Он вынул сигарету изо рта и предложил затянуться. Только теперь Лив увидела, что это косяк.

— Нет, не здесь, — прошипела она.

Отмахнулась и проверила, не заметил ли Пепейн. К счастью, тот был целиком занят Мартиной.

— Не при нём.

Алекс поднёс косяк к её губам. Потянуло густым, сладковатым запахом.

— Ну же, милая. Что плохого в одном косячке?

Пришлось признать: завершить вечер под кайфом вдруг показалось заманчивым. Они давно уже не курили вместе. Можно ведь изредка позволить себе маленькую неразумность, подумала она. Но курить возле сына — это всё-таки чересчур.

— Пепейн не должен видеть.

— Будто для него это незнакомая территория.

Она приподняла брови.

— Ты знал, что он курит?

— Лив, ну брось. Под каким камнем ты жила? Любой пятнадцатилетний амстердамец курит травку. Я бы скорее беспокоился, если бы он не курил.

Может, сказались печальные воспоминания, алкоголь или расслабляющее опьянение, но она решительно встала, схватила Алекса за руку и подняла.

— Хорошо, убедил. Только за оградой.

Они отошли и, тесно прижавшись друг к другу, хихикая как двое провинившихся школьников, докурили остаток. Тёплое сияние медленно растекалось по телу. Музыка постепенно окутывала её одеялом; прочие звуки отступали. Голова становилась легче, тело тяжелее. Теперь она висела на Алексе.

Он поднял её подбородок и нежно поцеловал.

— Ты сегодня так сияешь.

— Сияю? Я же ужасно устала.

— Тогда пойдём.

Он провёл ладонью по её спине; тепло проникло сквозь тонкую ткань.

— Я снова дам тебе сил.

Правый уголок его рта приподнялся, глаза чуть сощурились. Точно так он смотрел и в первый раз, когда неожиданно оказался в её мансардной комнате в Де-Пейп. Весело и одновременно вызывающе. Почти высокомерно. Словно держал нити, за которые можно дёрнуть, чтобы она почувствовала ровно то, что он пожелает. Сейчас тело откликнулось так же: низ живота сжался.

— Забери меня, — шепнула она ему в ухо.

— Позабочусь об этом.

Он сжал её ягодицы.

— Подожди здесь.

Алекс ушёл к танцующим; она прислонилась к ограде. Казалось, его руки уже мягко скользят по её груди. Она улыбнулась этой мысли. В паху было тепло; хотелось его тела. Внезапно качнулась дюнная трава, и будто какой-то силуэт метнулся прочь. Но страха она не почувствовала: должно быть, игра разгорячённого воображения.

— Всё, договорился. Паула присмотрит за Пепейном. Через час отправит домой, — услышала она позади.

Голос Алекса был хриплым; он прижался бёдрами к её

ягодицам.

— Можем идти.

Она погладила шероховатую внутреннюю сторону его ноги.

— Не могу дождаться.

Больше ничего не говоря, они пошли через дюны к отелю, держась за руки. Темнота обняла их. Когда музыка перестала доноситься, он поднял Лив и осторожно уложил в ложбинке между дюнами. Колочая трава впилась в спину.

— Здесь? — спросила она.

Он опустился на неё. Лунный свет словно выкрасил его волосы в седину.

— Да. На воздухе меня ещё сильнее заводит.

Прежде чем она успела сказать, что боится чужих глаз, он жадно поцеловал её рот, шею, грудь и просунул руку под платье. Дышал тяжело.

— О, какая же ты божественная.

Кожа будто светилась жаром. Ловкие пальцы сразу нашли знакомые места, и вскоре ей не оставалось ничего, кроме как отдаться его ритму.

Глава 5

Не сразу она поняла, где находится. Балконные двери открыты; занавески колыхались в лад ветру. Серебряный лунный свет превращал комнату в декорацию чёрно-белого фильма. Она лежала голая, вся в гусиной коже, и натянула простыню. Ступни были в песке. Рядом храпел Алекс, спавший на животе. Она придвинулась к нему. Язык прилипал к нёбу, за глазами тупо болело. Джин ударил сильно. Вдруг она увидела светящиеся цифры будильника на тумбочке.

— Чёрт.

Она резко села и затрясла Алекса за плечо.

— Милый, проснись.

В ответ только глубокое рычание.

— Ну же, Алекс. Половина третьего. Где Пепейн?

— Что? Что тебе? — пробормотал он, не двигаясь.

Она попыталась его перевернуть.

— Эй, просыпайся!

Теперь он шевельнулся и лениво повернул к ней голову.

— Милая, который вообще час?

— Говорю же: половина третьего.

Она включила лампу возле кровати.

— По-моему, Пепейн ещё не вернулся.

— Откуда ты знаешь?

Алекс тоже попытался сесть. Двигался мучительно мед-

ленно.

— Может, просто лежит у себя, в соседнем номере.

— Вряд ли. Он ведь всегда заходит к нам? Или ты не оставил для него дверь открытой?

Алекс потёр лицо обеими руками.

— Разумеется, оставил. Ты десять раз попросила.

— Верно.

Как они вернулись, Лив почти не помнила. Только радость от возможности лечь в кровать.

— А когда это было?

— В половине одиннадцатого, примерно. Тебе стало холодно. Мы недолго были снаружи.

Она вспомнила ложбинку между дюнами и вздохнула.

— Я совсем поплыла.

— Да неужели? — спросил Алекс с притворным изумлением.

Он выскользнул из кровати и поднял с пола шорты.

— Может, пойду посмотрю в его комнате?

— Да, пожалуйста.

Она зябко поёжилась и надела футболку.

— Наверное, опять тревожусь зря. Спит себе тихонько и видит Мартину во сне.

— Уверен, так и есть, — ответил Алекс себе под нос, едва слышно.

Он всегда бормотал так, когда по-настоящему раздражался. Лив хотела сказать, что жалеет о своей панике, но он уже

прошлёпал в коридор.

Она отпила воды из бутылки и только теперь заметила, что телефон выключился.

Сразу поставила его на зарядку. Может быть, Пепейн пытался связаться с ней. Сообщить, что задерживается или не может попасть в отель. Может, даже хотел остаться на ночь у Мартины. А она тем временем лежала здесь без чувств. Во рту стало ещё суше. Какая ужасная безответственность.

Лив уставилась в экран. Казалось, прошла вечность, прежде чем он засветился и снова показал сеть. Пришли несколько непрочитанных сообщений и уведомление о пропущенном звонке — от Пепейна.

— Чёрт.

Она, спотыкаясь, выбралась из постели, накинула халат и как раз потянулась за шлёпанцами, когда в комнату ворвался Алекс.

Тёмные глаза метались тревожно.

— Его нет. Постель не тронута.

— Чёрт, — повторила она и взяла телефон. — Он звонил... незадолго до половины двенадцатого.

— Оставил голосовое сообщение?

Она покачала головой.

— Но написал. В двадцать три одиннадцать.

— И?

— Что идёт домой.

Алекс опустился на кровать.

— Может, заснул где-нибудь на полдороге?

— Может быть. Подожди, Паула тоже написала: отправила его домой сразу после одиннадцати.

Она села рядом.

— Позвонить ему?

— Дай мне свой телефон.

Алекс взял его и нашёл номер Пепейна.

— Увидит моё имя — точно не ответит.

Наверняка он прав, но в этой логике всё-таки что-то не сходилось: почему ей нельзя самой попытаться позвонить? Однако прежде, чем она успела спросить, он уже вернул телефон.

— Сразу голосовая почта. У него, конечно, разрядился.

— Позвонить Пауле?

Он пристально посмотрел на неё, стиснув губы.

— В такой час? И что? О чём её спрашивать? Она вовремя его отправила.

— А «Найти iPhone»?

— У него включено? При пустой батарее ведь не работает?

Она прокрутила настройки.

— Не совсем, да. Но перед выключением отправляет последнюю точку. Сейчас... Это у Рио-де-ла-Хара.

Он заглянул через плечо.

— Чуть дальше, возле кемпинга. Что он там делает? Я поеду.

— Стоит ли? Может, сначала...

— Нет, я сейчас поеду.

Он немедленно вскочил, натянул свитер и сунул телефон в карман.

— Тебе лучше остаться. Может, он ещё притащится сюда. Совсем одуревший от выпивки или чего-нибудь.

— Ты правда так думаешь?

— Откуда мне знать? Но искать я пойду сейчас.

Он был уже у двери, когда внезапно обернулся.

— Не волнуйся, милая. Всё будет хорошо. Правда.

— Подожди минутку.

Он остановился, покачиваясь на носках.

— Что?

— У тебя случайно нет номера Мартины? Попробую ей позвонить.

— Лив, откуда?

Он в отчаянии поднял руки.

— Я ведь тоже никогда раньше её не видел. Я пошёл.

— Позвони мне, — крикнула она вслед, но дверь уже захлопнулась.

Комната внезапно стала намного темнее.

Уже в третий раз она пыталась дозвониться Алексу. Почему же он не отвечает? Не меньше двадцати минут она ждала здесь одна. Мысли всё кружили по одной орбите. Почему сегодня она так распустилась? Обычно никогда столько не

пила. И зачем они оставили там Пепейна?

Она снова увидела, как Алекс подходил с косяком, и почувствовала раздражение. Не следовало ему соблазнять её травкой. С другой стороны, она сама согласилась, и это возвращало к исходному вопросу: зачем, ради всего святого, она это сделала?

Сходя с ума, вопреки совету Алекса она написала Пауле. «Пепейн пошёл домой один?» — стала набирать и задумалась, добавить ли, что он так и не пришёл. Или это вызовет напрасную тревогу?

Решила оставить один вопрос и встала с кровати. Может, в его комнате найдётся какая-нибудь подсказка. Что угодно лучше, чем терять рассудок здесь, в пустом номере.

В коридоре было темно и холодно: ветер дул сквозь щели в рамах. Она быстро проскользнула в комнату Пепейна и зажгла свет. Простыни действительно были по-прежнему ровно натянуты, зато чемодан словно взорвался. Одежду не просто вынули, как вынимают в поисках определённой вещи: она была разбросана повсюду. Даже содержимое несесера целиком высыпали на пол.

Лив машинально стала собирать вещи. Сама по себе его неряшливость её не особенно заботила: когда-то она была такой же. Правда, тогда не хотелось лишний раз обременять отца, и временами она всё-таки прибирала комнату. Пепейн, судя по всему, никогда не ощущал подобной необходимости.

Она вытащила из-под стула футболки, сложила вдвое и

убрала в шкаф. В своё время Лотте терпеливо научила её аккуратно складывать одежду. Это было мило с её стороны, хотя, конечно, Лив предпочла бы, чтобы её научила собственная мать.

Мать она помнила мало. И уж совсем не помнила, как та занималась хозяйством. Главное место в её жизни занимали выступления. Странно, что мысли о ней сейчас вдруг стали такими настойчивыми.

Со дна чемодана Лив достала самый толстый свитер Пепейна, уткнулась носом в шерсть и почувствовала дешёвый дезодорант. Он за неделю выпрыскивал целый баллон, страшась своего знаменитого подросткового пота. Мысль о его нескладном теле в ванной снова сжала желудок. Его необходимо найти поскорее. Где же Алекс?

Остальные вещи она подбирала уже торопливее — словно этим могла ускорить и возвращение Пепейна. Все носки были разъединены; она снова сворачивала их парами, одну за другой. Не меньше пятнадцати пар он взял с собой — довольно странно. Здесь они в основном ходили в шлёпанцах.

Под кроватью нашлась последняя пара, всё ещё скатанная шариком. Внутри чувствовалось что-то ещё. Она села на кровать, развернула носки, и свёрток банкнот упал ей на колени. Немного повозившись, она расправила его. Три купюры по пятьдесят. Почему Пепейн привёз их именно так? Немалые деньги для пятнадцатилетнего. Где он их заработал?

Внезапно послышался топот. Она выпрямилась; дверь тут же распахнулась.

— А, ты здесь.

Алекс смотрел на неё дико. Влажные пряди прилипли к лицу, со лба стекал пот.

— Нигде не могу его найти.

Она заплакала — сдержанно, чтобы не разбудить других постояльцев. Он сел рядом, обнял. От него пахло морем.

— Там стояло только несколько автодомов. Рядом пила компания молодых. Из кемпинга весь вечер не выходили. И никто не видел на территории мальчика, похожего на Пепей-на.

Он взял её за руку. Пальцы были в земле, ногти окаймлены чёрным.

— По дороге обратно я нашёл на тропинке вот это.

Он положил ей на колени айфон. Потёртый чехол она узнала сразу. Стряхнула песок.

— Это точно его, — подтвердила она, хотя была уверена: Алекс тоже узнал.

Он кивнул и вытер ей щёки.

— Надо зарядить. Может, там есть номер Мартины.

— Да, я тоже об этом подумала.

— Думаю, он, пьяный или, может, обкуренный, пошёл к ней. А там просто отключился.

— Наверняка так и было, — сказала Лив.

Но сама сомневалась и видела, что Алекс тоже не уверен.

Его нога поддёргивалась. Вдруг он взял банкноты.

— А это у тебя что?

— Странно, правда? Лежало в свёрнутых носках.

Она объяснила, что подозревает чужое вторжение в комнату.

— Может, деньги были и в остальных парах.

Алекс вдруг вскочил; лицо словно побледнело на тон.

— Сейчас разбужу Рикардо. Может, здесь есть камеры. Посмотрим, входил ли кто-нибудь. И он наверняка знает, к кому обращаться в полиции.

— В Гражданской гвардии? Ты уже хочешь звонить?

— Уже?

— Только что ты говорил, что он, вероятно, спит у Мартины.

Он посмотрел на неё, и на миг ей показалось, что она произнесла нечто ужасное. Плотно сжатый рот выглядел порезом на лице. Левое веко подрагивало. Затем Алекс наклонился к ней.

— Дорогая Лив, я тоже не знаю. Но ничего не делать нельзя.

— Понимаю.

Она погладила его тёплую щёку.

— Хорошо, милый.

— И полиция хотя бы сможет найти эту Мартину, — добавил он.

— Да, возможно. Иди. Я останусь здесь.

Когда Алекс вышел, она достала зарядку из рюкзака Пепейна и подключила телефон. Ожидая, пока к нему вернётся жизнь, пообещала себе: как только Пепейн найдётся, они вместе поедут верхом. Она была уверена, ему тоже очень понравится.

Глава 6

Лив с трудом вставила контактные линзы. Глаза пересохли, веки были обведены красным. В зеркале она узнала отцовский сдержанный взгляд. Смотреть совершенно обыкновенно и при этом страшно тревожиться — это оба умели превосходно. Вообще, скрывать чувства они были хорошо обучены. В отцовской семье этот навык веками входил в обычай. Так и полагается, усвоила она. Даже после смерти матери.

Было половина четвёртого ночи. Не разбудить ли отца звонком? Он мог бы помочь, связавшись с коллегами в испанской прокуратуре, но, возможно, она поднимет тревогу впустую. Заставить его смертельно перепугаться, а затем всё-таки найти Пепейна у Мартины — не лучшая затея. Кроме того, ей не хотелось дать ему возможность сказать: «Я же предупреждал». Хотя она и признавала, как ребячлива эта причина.

Она надела джинсы, кроссовки, выбрала толстый свитер. Когда так устанешь, здешний ночной ветер кажется ещё холоднее. Мёрзнет ли Пепейн? Или лежит где-нибудь в постели, согреваемый другим телом? Зачем ему были эти деньги? Давление в груди усилилось: словно вокруг рёбер затягивали ремень. Она не переживёт, если с ним действительно что-нибудь случилось.

— Ливия? — В дверь постучали; она узнала голос Рикар-

до. — Ты здесь?

— Есть новости о Пепейне? — спросила она, открывая. Рикардо потёр бритую голову. Вокруг него облаком стоял лошадиный запах.

— Боюсь, нет. Непонятно, куда подевался мальчишка. И проверить, был ли он здесь, я не могу. У нас нигде нет камер. Никогда не требовались.

— Так я и думала. До Гражданской гвардии дозвонились? Рикардо откашлялся, избавляясь от хрипа курильщика. Лив знала, что ему не больше сорока, но на вид дала бы ещё лет пятнадцать: серые мешки под глазами, поседевшая борода.

— К сожалению, да. Я Алекса сразу предупредил: эти ублюдки ничего для нас не сделают. Их прежде всего взбесило, что мы разбудили. Рывкнули, что пропавшего подростка в первые двадцать четыре часа никогда не считают пропавшим без вести. Всегда, мол, загулявшие пьяницы. Даже когда Алекс рассказал про деньги, не отреагировали. Полные олухи, вот кто они. Не зря в напряжённые летние месяцы им помогает Национальная полиция. Эти две службы никогда не ладят. Вода и огонь. Считают друг друга...

— А где Алекс? — перебила она чуть слишком нетерпеливо.

Обычно Рикардо был немногословен.

— Опять ищет?

Тот кивнул.

— Я дал ему джип отеля. Он очень торопился, попросил передать, чтобы ты ждала здесь.

— Я не буду. Я здесь сойду с ума.

— Нет, правда, Алекс именно так и сказал.

Рикардо ещё немного расправил плечи, словно хотел помешать ей проскользнуть мимо.

— Снаружи пока темно. Лучше, если ты...

— Он мой единственный ребёнок, — почти прошептала она; глаза снова наполнились слезами.

Она увидела, что слова его задела. Нахмурившись, он опять потёр лысину.

— Хорошо, но тогда я поеду с тобой. Алекс убьёт меня, если отпущу тебя одну. Возьмём мой джип.

Они условились встретиться на маленькой стоянке у входа. Лив тут же стала собирать вещи, радуясь, что теперь тоже может что-то делать. Из комнаты Пепейна взяла заряженный телефон и тёплый свитер. Лампы у кровати оставила гореть — на случай, если он всё-таки вернётся.

Дорожка в саду была едва подсвечена; пальмовая зелень теперь казалась почти синей. Не считая далёкого прибоя, стояла мёртвая тишина. Ни птичьих голосов, ни музыки, ни приглушённых разговоров. Пустые часы перед восходом другим, возможно, казались зловещими, но ей приносили покой. В юности она часто бодрствовала именно в это время.

Рикардо уже стоял у джипа и придерживал дверь. Его небольшое, грубоватое тело в темноте выглядело ещё квад-

ратнее. Ступив на широкую подножку, Лив забралась на влажное пассажирское сиденье.

— Выхать постараюсь потише, без света, — сказал Рикардо, усаживаясь рядом. — Не хочу никого будить.

Когда завёлся мотор, она закусила нижнюю губу. Низкое рычание могло всполошить всю округу. Но отель оставался тих: ни в одном окне не вспыхнула лампа. Очень медленно они спустились по длинной подъездной аллее и вывернули на пустую N340, двухполосную дорогу между пляжем и городком. Только теперь Рикардо включил фары. Два зайца метнулись прочь с асфальта.

— Где будем искать?

Она достала из сумки телефон Пепейна. Разгадать код пока не удалось: уже перепробовала их дни рождения, прежние адреса, имена друзей.

— В центре?

— Да, главным образом в хостелах и барах возле Калье-Сан-Франсиско. Знаешь тамошние кабаки? Часто работают допоздна. Против правил, конечно.

— Конечно, — повторила она.

Краем глаза видела: он мчится далеко за сто тридцать при разрешённых восьмидесяти. Но ей не было страшно. Невысокий Рикардо излучал уверенность, что всё держит под контролем. Наверное, дело в горделивой осанке: местный матадор, готовый ко всему. Кроме того, ей самой хотелось ехать так быстро. Казалось, времени уже потеряно слишком мно-

го.

— Алекс сейчас колесит по национальному парку, — продолжил он, вовремя объехав раздавленную коробку на дороге. — Будем надеяться, Пепейн там где-нибудь спит. Под деревом, отходит после выпивки.

— Возможно.

Она набрала дату рождения отца. Опять ничего: начальный экран телефона не появлялся. Подняла глаза и увидела, как серебристое мерцание скользит по прибору, словно с каждой волной рассыпается сотня бриллиантов.

— Хорошо, что почти полнолуние. Он хоть что-нибудь сможет разглядеть.

Рикардо ненадолго коснулся её плеча.

— Мы его найдём. Правда.

— Я знаю.

Снова защипало глаза; она сосредоточилась на телефоне сына.

— Чёрт, какой же у него код?

— Почтовый индекс? Номер дома? Ваш возраст?

Рикардо ловко свернул в крутой поворот. Пройдя несколько круговых развязок, они поехали прямо к центру. Хорошо было оказаться в пути именно с человеком, которого она знала лишь поверхностно: чувства и напряжение немного ослабевали. Алекс вдруг так занервничал. Конечно, тоже устал, как и она, но выглядел взвинченным, почти испуганным. На миг мелькнуло: не принял ли снова кокаин?

Думать об этом сейчас не хотелось. Он одиннадцать лет не употреблял; она хотела и дальше ему верить. К тому же сейчас главное — Пепейн, остальное потом.

Она попробовала варианты Рикардо.

— Нет, тоже ничего. Вообще-то похоже на правду, что Пепейн в конце концов оказался в баре. Может, всё-таки поехал с кем-нибудь из кемпинга, а телефон потерял там. Как думаешь?

— Самый вероятный вариант, — нейтрально ответил он, въезжая в узкую улочку. — Сейчас посмотрим. Здесь, за углом.

Хотя она не думала, что Пепейн знает эту дату, всё-таки быстро набрала день рождения своей матери.

— Без телефона он, конечно, не мог с нами связаться, и...

Вдруг экран ожил. На первый взгляд — ничего особенного. Только непрочитанные сообщения в школьных чатах, на непонятном уличном наречии. Она поспешно открыла последние фотографии. В основном разноцветные кайты и несколько видеозаписей сложных прыжков. Горло сжалось при виде селфи Алекса и Пепейна: мокрые волосы, сияющие лица, руки на плечах друг у друга. Последний снимок был смазанным, в полутьме. Она увеличила и увидела сына, страстно целующегося с Мартиной. Странно видеть собственного ребёнка за этим занятием. Он сам снимал?

— Ты в порядке? — спросил Рикардо, паркуясь задним ходом. — Получилось открыть?

Лив резко выпрямилась.

— Как глупо. Почему раньше не подумала? Ты ведь знаешь Мартину. У тебя есть номер...

— Кого я должен знать?

— Ну, Мартину, — раздражённо сказала она. — Девушку, которую ты прислал за нами.

Рикардо вынул ключ. Свет в машине медленно погас. Она ещё успела заметить его вопросительный взгляд.

— Я о ней никогда не слышал.

— Но в аэропорту. Вчера утром, когда мы прилетели. Ты ведь спрашивал номер рейса? Правда?

— Нет, прости. Должно быть, недоразумение. Я точно никого не посылал.

Он открыл дверь.

— Пойдём, мы приехали.

Когда он вышел, Лив осталась сидеть. Она была уверена: никакого недоразумения. Алекс действительно сказал, что Рикардо договорился с Мартиной, чтобы та их встретила. Почему теперь Рикардо отрицает? Коротко постучали в стекло. Лив подняла голову; в висках стучала кровь. Он смотрел на неё, наклонив голову, и вопросительно развёл руками.

— Да, сейчас.

Она сделала вид, что беспечно роется в сумке, однако мысли неслись дальше. Что она вообще знает о Рикардо? Только по отпускам, о его прошлом — ничего. Алекс чаще

встречался с ним во время коротких поездок на кайтинг и всегда отзывался с похвалой. «Старомодно порядочный», — говорил он. И в самом деле, от Рикардо исходили спокойствие и уважительность. Кроме того, времени сомневаться сейчас не было. Пепейна нужно найти как можно скорее.

Она решительно открыла дверь.

— Хорошо. Куда идём?

Глава 7

Крутые улочки были так узки, что они едва помещались рядом. Иногда Лив приходилось брать его под руку, чтобы не поскользнуться на гладкой брусчатке. Старинные фонари лили свет цвета сепии, и казалось, они идут назад во времени — если, конечно, не замечать кое-каких крикливых вывесок.

Помимо хлопанья ставни, на улице стояла мёртвая тишина. Нашлось всего одно открытое кафе. Там Лив показала на телефоне фотографию Пепейна унылой компании увядших тридцатилетних. Посовещавшись, завсегдатаи были совершенно уверены: этим вечером его в баре не было.

— Такого молодого светловолосого паренька здесь бы точно заметили, — сказал один, продолжая скучаяще перебирать две струны гитары.

В этом она не могла ему возразить. В их грязной луже Пепейн немедленно выделился бы жемчужиной.

Теперь они шли к «самому сомнительному кабаку города» — так Рикардо описал портовое кафе «Ла-Бурла».

— Официально, может, уже закрыто, но заблудшие ночные мотыльки там всегда найдутся. Хозяин, Басьер, закрывает двери до конца дня, только когда раздаст первый кофе возвращающимся с моря рыбакам, — объяснил он.

В серых оттенках раннего утра проступили очертания скоростного парома. В сущности, понятно, почему у Тарифы

такой большой транспортный порт: Марокко можно было почти учуять. Однако маленькому старому центру он не подходил. Лив вспомнились Давид и Голиаф, только здесь маленький Давид, похоже, проигрывал. Дальнобойщики и туристы грозили затопить городок, лишив его самобытности. С каждым годом становилось многолюднее.

Сейчас в порту было ещё спокойно. Лишь несколько деревянных рыбацких лодок, пыхтя, заходили внутрь; красные и зелёные огоньки покачивались наверху.

Рикардо остановился и показал на обветшалую деревянную дверь.

— Здесь.

— Чёрт, и правда закрыто.

Снова затянулся ремень вокруг груди.

— Что теперь делать?

Рикардо дважды сильно постучал. Ничего. В кармане завибрировал телефон; написала Паула. «Да, Пепейн ушёл один. Разве не так договаривались?» — быстро прочла Лив. Она уже хотела ответить, что домой он не пришёл, когда дверь распахнулась. В нос ударил выдохшийся пивной запах.

— Какого чёрта вам надо? Закрыто! Глаз нет? — рявкнул почти квадратный мужчина на примечательной смеси английского с тяжёлым андалусским акцентом.

Рубашка грозила лопнуть; чёрные, как смоль, глаза испепеляли её. Она стояла метрах в одном от него, но почувствовала слюну на щеке.

Лив передёрнуло.

— Спасибо, что открыли. Мы хотели бы... — попыталась она любезно.

— Катитесь к чёрту, — перебил он.

Уже собрался захлопнуть дверь, когда вдруг заметил Рикардо.

— О, прости, дружище. Не увидел тебя. Ты так прячешься, за дверью. Как дела?

Мужчины обнялись, коротко хлопнув друг друга по плечам. Затем толстяк повернулся к Лив.

— А эта красавица с тобой?

— Да, Басьер.

Рикардо ободряюще кивнул ей.

— Жена Алекса.

Крутя ус, хозяин оглядел её с ног до головы. Вдруг лицо словно расколосось надвое в широкой улыбке. Глаза засветились весельем.

— Ну и Алекс... Как же этот парень всегда прекрасно устраивается! Входите, дорогие. Входите. Хабиби, свежего кофе?

Рикардо пропустил её вперёд. Совершенно оглушённая, она пошла за Басьером внутрь. Даже собственных шагов по каменному полу не слышала. Откуда её муж знает это ходячее клише подозрительного трактирщика?

В углу мигал игровой автомат; пластиковые стулья беспорядочно стояли перед большим телевизором, беззвучно по-

казывавшим футбольный матч. У стойки клевал носом старик. При их появлении даже не поднял головы. Больше в кафе никого не было.

— Ну, приятель, что привело? Давно не виделись, — сказал Басьер, наливая в две кружки кофе из термоса.

Рукавом вытер стойку и поставил кружки у них под носом.

— В «Урагане» опять всё хорошо?

— Превосходно, — ответил Рикардо, не поясняя, что именно опять наладилось. — Мы ищем сына Алекса. Высокий, светловолосый. Пепейн.

— Он и твой сын?

Басьер наклонился к ней через грудку грязных стаканов; рубашка свесилась в мойку.

— Не слишком ли ты молода?

Лив отступила.

— Это мой внук.

Смех Басьера отразился от голых стен.

— Баба с юмором! Алексу действительно повезло. Давно твой парень исчез из виду?

— С половины двенадцатого. С тех пор никто его не видел.

Он посмотрел на часы.

— Почти семь часов. Ещё не так страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.